

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

Микроисторические подходы в романе Грэма Свифта «Waterland»

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студентки 4 курса 421 группы
направления 45.03.01 «Филология»
Института филологии и журналистики
Курюкиной Елены Станиславовны

Научный руководитель

д.ф.н., профессор

подпись, дата

В. Ю. Михайлин

Зав. кафедрой

к.ф.н., доцент

подпись, дата

Ю. Н. Борисов

Саратов 2020

Введение.

Данное исследование посвящено изучению микроисторических подходов в романе Грэма Свифта «Waterland».

Актуальность исследования определяется обращением к творчеству современного, но уже признанного «классиком» автора, произведению, созданному в 1982 г., а на русский язык переведенному ещё позже. Помимо этого, теоретическая проблема ВКР: методика и практика микроистории, – также являются новыми и актуальными направлениями в современной гуманитаристике, обратившейся к проблемам осмысления прошлого. Кроме того, теоретическая проблема микроистории действительно отражает сущность художественного метода романа «Waterland».

Новизна исследования заключается в том, что впервые методология микроистории исследуется комплексно на материале англоязычного романа Г. Свифта «Waterland».

Объектом данного исследования являются методологические подходы микроисторической науки, изученные на примере романа британского писателя Грэма Свифта «Waterland».

Предметом исследования являются теоретические и методологические микроисторические подходы, использованные автором произведения.

Целью исследования является изучение применения Г. Свифтом микроисторических подходов в тексте романа «Waterland».

Задачи исследования:

- 1) раскрыть сущность и содержание микроисторической области научного знания

- 2) охарактеризовать практические подходы, сформулированные учёными-микроисториками
- 3) раскрыть содержание «акторно-сетевой теории» в связи с микроисторической практикой
- 4) раскрыть методологию приложения данных подходов к художественной литературе
- 5) изложить особенности применения микроисторической практики на примере предмета исследования

Материалом исследования послужили цитаты из англоязычного источника, романа Г. Свифта «*Waterland*», с приведением официального русскоязычного перевода В.Ю. Михайлина.

Объём исследованного материала – оригинальный текст романа (557 с.) и официальный перевод романа (512 с.), в тексте приводится порядка 40 развёрнутых цитат из оригинального текста, включены короткие примеры. В качестве базиса для теоретической части работы использовался материал из более чем 20 статей, общий объём списка использованных источников – 32 наименования.

Источники материала – роман «*Waterland*», статьи Леви Дж. «*О микроистории*», «*Биография и история*», С. Черутти «*Микроистория: социальные отношения против культурных моделей*», Х. Медика «*Микроистория*», Ф. Броделя «*История и общественные науки. Историческая деятельность*» и др.

Методы исследования. В работе используются анализ, синтез, аналогия, дедукция, классификация.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования найдут применение в литературоведческой практике при

анализе иных литературных источников, непосредственно связанных с понятием микроистории.

Структура работы. Работа включает в себя введение, основную часть, состоящую из глав 1 и 2 (3 и 4 подраздела соответственно), заключение, список использованной литературы.

Основное содержание работы. В Главе 1 «Теоретические основы микроистории как научного направления» рассматриваются основные теоретические положения работы, связанные с микроисторией как сферой исторической науки, её развитием с начала формирования и до настоящего времени, методологией микроистории и её связью с акторно-сетевой теорией.

Микроистория – это одно из научных направлений, возникших в рамках «новой исторической науки» на рубеже 1960-1970-х годов в Европе. Впервые оно было сформировано в итальянской историографии. Микроистория стремится включать в историческое знание уникальные, личностные, казусные явления, такие как повседневные рутинные практики конкретных людей, история объектов, локальная история малых городов и т.п.

Рассматриваемая наука включает в себя ряд методологических подходов, которые не наделены структурной целостностью в силу особенностей процесса развития микроистории как сферы исторического познания. Следовательно, необходимо применение целого ряда исследовательских методов, таких как: анализ, синтез, дедукция. В исследовании теоретического базиса данной работы необходимо применить комплексную методику для того, чтобы прийти к выводу касательно сути методологических особенностей микроистории как науки.

Помимо этого, микроисторическая наука обладает рядом связей с акторно-сетевой теорией (далее: АСТ) Б. Латура. Основное положение АСТ

заключается в том, что действие в области «социального», т.е. действие, влияющее на человека как индивида и заставляющее его предпринимать некие действия, привычно считаемые социальными, является недетерминированным [1: 67]. Другими словами, Латур расширяет понятие социального и вписывает объекты неживого мира в ряд действующих сил для лучшего понимания импульсов, заставляющих человека действовать. В контексте романа Свифта и микроистории это будет важно в силу того, что Свифт часто прибегает к использованию социально недетерминированных действий как побудителей к движению индивида, семейства или общества.

В Главе 2 «Микроистория в романе «Waterland» Грэма Свифта» на материале оригинального англоязычного текста романа Г. Свифта «Waterland» проводится анализ художественного содержания текста в ключе соответствия вложенного в него автором подтекста методологическим нормам микроисторического знания, описанным в Главе 1.

Исследование предполагает обращение к теоретическим историческим источникам и иным художественным текстам. Для дефиниции и анализа примеров используются упомянутые в Главе 1 методы Ж. Деррида, Д. Лоуэнталя, А. М. Анисова и др. Используемые концепты предполагают собой обращение к широкому кругу исторических артефактов, что включает в себя, помимо прямых ссылок на историческую литературу, упомянутую в тексте книги, также анализ героев книги и неодушевлённых предметов как носителей исторической памяти¹. Также упоминается и используется концепт «мест памяти» П. Нора, на основе которого вырабатывается расширенная концепция места как носителя исторической информации.

Практическая часть исследования разделена на ряд подпунктов начиная с исследования исторических планов в романе. Исторический пласт

¹ Историческая память - процесс осовременивания прошлого в сознании индивидуальных или коллективных субъектов. [3: 170].

Свифта отличается многоуровневостью, он чётко разделён на микро- и макроисторические уровни. Так, самый малый, базовый уровень – это микроисторический уровень информации, привязанной к определённым объектам.

Для автора основной объект-носитель информации – угорь. Так, Свифт пишет о древних цивилизациях, которым была известна эта рыба: «the Egyptians knew it, the Greeks knew it, the Romans knew it...»² [2: 306]. Таким образом создаётся хронологическое начало – читатель получает возможность, используя простую рыбу как проводник, заглянуть в далёкое прошлое и проследить дальнейшее развитие тех локальных точек, которые жизнь этого вида рыб затронула. Также можно упомянуть другой объект – орудие убийства другого героя, Фредди Парра, *бутылку из-под пива*, упоминаемую на протяжении всего романа в том или ином контексте.

Далее следует уровень личных историй каждого героя. Такие истории рассказывает главный герой, Крик («You should know, because it was you who were witness to the fact that old Cricky, your history teacher, had already in one sense, and of his own accord, ceased to teach history. ... he breaks off and starts telling – these stories» [2: 17])³ – истории других героев показаны через его призму восприятия но с сохранением их индивидуальности.

Помимо этого, Крик также вплетает в повествование события макроисторического уровня путём упоминания реальных исторических личностей (Наполеон) и событий мировой истории («From 1908 to 1910, while a crisis flared in Bosnia, Italy turned covetous eyes on Tripoli, and the British people, impatient with only four Dreadnoughts a year, began to chant ‘We want eight and we can’t wait’, Schmidt cruised the length and breadth of the

² «Он был известен египтянам, известен грекам, известен римлянам...» [3: 258]

³ «Вы обязаны понять, вы же сами свидетели: старый Крики, ваш учитель истории, в каком-то смысле давно уже перестал учить вас истории, и по своей, заметьте, воле. ... он оборвал себя на полуслове и начал вам рассказывать эти вот самые истории». [3: 11]

Mediterranean, collecting eel larvae...»⁴ [2: 309]). При описании практически любого факта из жизни Крика или других героев всегда обозначен либо конкретный год, либо явление глобальной истории, его обозначающее: «By the year of Trafalgar...» [2: 114], «In 1813, while Napoleon...» [2: 116], «In the winter of 1815 to 1816...» [2: 18], «Born in those memorable floods of '74...» [2: 246] и т.п. Причём ссылается автор не на случайные события, а именно на те, которые позволяют ему перейти из глобальной истории в частную.

Можно подвести итог, что исторический пласт в романе разделён на уровни по той сфере, которую они охватывают – будь это история объекта, человека, семейства или мира.

В следующем подпункте подчёркивается важность личного опыта повествователя как источника исторической информации.

Здесь стоит в первую очередь говорить о том, что, какая бы история ни рассказывалась персонажами Свифта, автор всегда выводит непосредственного участника событий, индивида, на первый план. История у Свифта переводится в область сугубо личного опыта. Например, само произведение начинается с личного, индивидуального – цитаты отцовских слов, которую приводит Крик. Во-первых, это задаёт «формат», в котором Свифт перерабатывает историческую хронику – формат персонализированный. Во-вторых, это переводит саму историю в некий былинный, сказочный, идиллический текстовый регистр («A fairy-tale land, after all»⁵ [2: 11] и т.д.), но именно таковы те истории, которые запоминают и передают друг другу люди. Структура в них искажается за счёт того, что события пропускаются через призму индивидуального восприятия. Сам Крик, комментируя особенности исторического знания, выражается так:

⁴ «С 1908-го по 1910 год, покуда в Боснии разгорался кризис, Италия алчно поглядывала в сторону Триполи, а британский народ, неудовлетворённый тем, что со стапелей сходит каждый год всего по четыре дредноута, принялся твердить своё “Мы хотим восемь, и мы это дело не бросим”, Шмидт вдоль и поперёк избородил Средиземное море, извлекая личинки угря...» [3: 291]

⁵ «Сказочная страна, если уж на то пошло». [3: 8]

«...what history teaches us is to avoid illusion and make-believe, to lay aside dreams, moonshine, cure-alls, wonder-workings, pie-in-the-sky – to be realistic»⁶ [2: 171]. Его истории – совсем другие.

Сам преподаватель в своих историях остаётся искренним, больше задавая вопросы, нежели давая на них нейтральные, универсально верные ответы (как принято в истории традиционной). Стирается грань, нет границы между «историей» (history) в привычном понимании и том, что можно было бы назвать «story» («история» как рассказ, повествование, сказ). Так, например, рассказывая о своей жене, которая по понятной причине (желание иметь детей), но при видимом отсутствии повода-триггера к действию, крадёт младенца, Крик оказывается не в силах ни дать оценку её действиям, ни объяснить их, и признаётся себе и читателю: «...he's already reached the limits of his power to explain...»⁷ [29: 171].

В этом также есть что-то от принципов акторно-сетевой теории Бруно Латура, поскольку он утверждает: «Вместо того, чтобы заранее занять благоразумную позицию и установить какой-то порядок, АСТ заявляет, что способна найти гораздо лучший порядок, — но после того, как даст актерам развернуть весь диапазон разногласий, в которые они погружены. Мы как бы говорим актерам: «Мы не будем вас поучать, заставляя соответствовать нашим категориям; мы дадим вам раскрыть ваши собственные миры и только потом попросим вас объяснить, как вы пришли к их созданию» [1: 38].

Можно сделать вывод, что Свифт успешно демонстрирует, каким образом история из общего, нечастного, переходит в сферу сугубо субъективного опыта.

⁶ «...история прежде всего учит нас избегать иллюзий и всего, что понарошку, и обходить стороною грёзы, фантазии, рецепты ото всех болезней, чудеса в решете, золотые горы – быть реалистами». [3: 171]

⁷ «...потому что он уже достиг границ присущей ему способности находить объяснения». [7: 161]

В следующем подпункте говорится об индивиде в частности, как носителе и «аккумуляторе» исторической памяти в контексте наследственности истории.

Личная история у Свифта не стоит обособленно от более всеобъемлющих исторических пластов – связь возникает не только между разными уровнями на синхронном отрезке времени, но и между различными диахронными этапами. Например, последний тип связи может проявляться внешне, как в схожести Тома Крика с его отцом: «Straight nose which goes blunt; chin which perhaps once had a point; neck tending towards the creased and convexly rippled (do you recognize your teacher? Do you see, Price, how we revert to type?)»⁸ [2: 237]. Это же внешнее сходство с личностью из прошлого можно наблюдать в другой героине, Сейре Аткинсон, вокруг которой конструируется целый миф: «Popular opinion learns scarcely anything of Sarah Atkinson, though it knows that she sits constantly in that upper room, surveying the town like a goddess. And it begins to tell stories.»⁹ [29: 132], «...did not the gaunt yet angelic features of Sarah bear a striking resemblance to those of St Gunnhilda <...> St Gunnhilda who looked out over the devil-ridden Fens and saw visions?»¹⁰ [2: 135].

Итак, подавляющее большинство персонажей произведения имеют под собой некий исторический прототип и наполняются памятью и действиями – во многом – согласно уже прописанному в прошлом сюжету. Наиболее хорошо это видно на примере глав «About the Rise of the Atkinsons»¹¹ и «About my Grandfather»¹². Так, в первой главе описывается процесс развития

⁸ «Нос прямой, линия понемногу грубеет; подбородок когда-то, наверное, был острый; шея, на которой все больше морщин и складочек (узнали своего учителя? Видишь, Прайс, как сильно мы склонны возвращаться к прототипам?)» [3: 221].

⁹ «Общественное мнение мало что знает о Сейре Аткинсон, вот разве как она сидит день-деньской в комнате наверху и смотрит по-над городом, что твоя богиня. И сами собой заводятся истории...» [3: 122].

¹⁰ «...как разительно схожи пусть суровые, но ангельские притом черты Сейры с чертами Св. Гуннхильды <...> той самой Св. Гуннхильды, что глядела со своего холма по-над засиженную демонами топью, и были ей видения...» [3: 124].

¹¹ «О возвышении дома Аткинсонов» [3].

¹² «О моём деде» [3].

пивоварни Аткинсонов – процесс долгий, что называется, семейный, подчеркнута наследственный: «So he did – or rather so did his successors...»¹³ [2: 105], «But William, who was growing old and already conferring much of his affairs to his son...»¹⁴ [2: 107], «So Thomas Atkinson, spurred by his father...»¹⁵ [2: 110] и т.п.

Если допустить, что уже упомянутый микроисторический характер романа действительно имеет место быть, то эти связи между частными явлениями служат для лучшей передачи автором его восприятия прошлого, истории. Так, бросается в глаза цикличность исторического процесса – на каких бы героя или героиню не упал взгляд, сразу заметно, что они повторяют уже пройденный кем-то другим путь.

Аналогичное можно наблюдать во второй из упомянутых глав, с той лишь разницей, что описанный в главе персонаж, Эрнест Аткинсон, дед главного героя, не сразу осознаёт свою наследственную связь с предшественниками, начиная с отдаления от оных: «...showing but scant interest in his future prospect as head of the Atkinson Brewery and the Atkinson Water Transport Company...»¹⁶ [2: 246], «for squandering the time in undergraduate whims, for flirting with ideas <...> directly aimed at his father's Tory principles»¹⁷ [2: 246] и т.п. Однако корни, наследственность берут своё, и Эрнест продолжает некогда начатый его родственником бизнес: «...и восстал в нём дух прапрадеда, Уильяма Аткинсона, стоявшего среди зреющих ячменей» [3].

Подводя итог по данной главе, можно заключить, что Свифт использует сразу два важных микроисторических метода – построение

¹³ «Так он и сделал – вернее, не он, а его наследники...» [3: 95].

¹⁴ «Но Уильям, который старел и начинал уже мало-помалу передавать дела сыну...» [3: 98].

¹⁵ «...Томас Аткинсон, по наущению отца...» [30: 101].

¹⁶ «...он не видел особого интереса в перспективе сделаться со временем главой пивоваренного “Аткинсон” и водно-транспортной компании “Аткинсон”...» [3: 228].

¹⁷ «...он крутил романы с идеями <...> прямо направленными противу консервативных принципов его отца» [3: 228].

личной хронологии и демонстрацию преемственности поколений – и тем самым дополнительно подчёркивает взаимосвязь как отдельно взятого человека с историей его рода, так и историю этого рода с историей глобальной.

В заключительном подпункте главы говорится о значимости места, локации для Свифта как носителя исторической памяти. Так, помимо *человека-носителя* и *объекта-носителя*, в романе можно выделить ещё один тип объектов, хранящих в себе историческую информацию: то, что можно назвать *«место-носитель»*.

На первый взгляд место-носитель в какой-то мере схоже с понятием «места памяти», сформированном французским историком Пьером Нора в Высшей школе социальных наук (L'Ecole des hautes etudes en sciences sociales, EHESS) ещё в 1978-1981 гг. [4], однако при более подробном изучении становится ясно, что оно не полностью идентично ему. Так, концепция Нора предполагала, что «место памяти» представляет собой *некоторую локацию, составляющую часть коллективной памяти*¹⁸ – в том или ином «месте памяти» группа людей включалась в задаваемую культурно-историческими данными этого места систему и действовала согласно её внутренним правилам.

Эти действия Нора называет «коммеморативными ритуалами», и к ним относятся, например, поминальные обряды, совершаемые в конкретной локации – на кладбище [4]. Однако то, что можно назвать местом-носителем исторической информации в романе, репрезентировано и функционирует несколько иначе: во-первых, оно в меньшей мере связано с коллективной памятью и большее влияние оказывает на отдельно взятого индивида и, во-вторых, оно представляет собой более пассивный источник исторической

¹⁸ Представление о прошлом, разделяемое и конструируемое членами социальной группы (М. Хальбвакс).

информации, переходящий в активную (передающую) фазу лишь при условии контакта с «правильным» человеком-носителем.

Этим «правильным» человеком можно назвать такого индивида, который обладает набором исторических данных, необходимых для реализации того информационного потенциала-содержания, заложенного в качестве исторического «следа» в базис той или иной локации. Так, в романе это наиболее чётко видно на примере такого места, как пивоварня Аткинсонов: в главе, посвящённой роду, сформировавшему это историческое пространство, Свифт неоднократно концентрирует внимание на наследственности перехода дела от отца к сыну из поколения в поколение. Наследственность «роли», которую человек играет, у Свифта очень тесно завязана на кровных узах между людьми. Таким образом формируется определённая система хранения исторической информации, в которой часть (потенциал) хранит место, а часть (данные для реализации потенциала) – человек.

В этой системе корректно функционировать может только такой человек, который является носителем «подходящей» исторической информации – например, сын из рода Аткинсонов, которому отец передал умения и навыки, необходимые для обработки почвы, взращивания ячменя и его дальнейшего использования [3: 150]. Такой человек-носитель сможет применить знания для реализации потенциала того или иного места – т.е. всего того, что успели наработать до него предыдущие. Например, наследник Джозайи Аткинсона, Уильям, смог привести пивоваренный бизнес отца к успеху, т.к. «довёл до конца отцовскую стратегему» [3: 96], как и его сын, Томас, который «по наущению отца...» начинает применять новые тактики для развития бизнеса. Впрочем, успех Томаса заканчивается именно тогда, когда пивоварня приобретает новое имя: разрывается родовая связь места и человека как носителя фамильной исторической информации.

Схожие взаимосвязи обнаруживаются между Фенами и человеком. Только определённый тип людей может существовать в этом пространстве: «In 1748, among the records of wages paid to those employed in rebuilding the Denver Sluice, are the names of the brothers James and Samuel Cricke. And in the parish annals <...> are to be found for the next century and a half, and in the same tenacious connection, the names of Cricks.» [2: 25] Разделив судьбу людей, которые «воевали против воды» [3: 21], Крики приняли на себя те роли, которые пространство заложило в себе задолго до прихода в него этих людей. Здесь можно наблюдать совместную работу пассивного пространства-носителя исторической информации и человека-деятели, эту информацию «вскрывающего». Кроме того, только Крикам и им подобным удавалось «обхитрить реальность» Фен путём рассказывания сказок – остальные заканчивали «меланхолией и суицидом» [3: 30].

Большое внимание Свифт уделяет преемственности тех позиций, которые поколение за поколением принимают на себя члены обеих семей. Это, в свою очередь, делает концепцию места-носителя исторической информации крайне микроисторической, поскольку в фокусе внимания – история отдельно взятой семьи и её отдельно взятых индивидуальных членов, что есть сфера интереса микроистории.

Заключение. На основании всего вышперечисленного можно констатировать, что роман Грэма Свифта «Waterland» во многом опирается на микроисторические принципы. Автор неоднократно прибегает к применению микроисторических подходов на протяжении всего романа. Подробный анализ оригинального текста с приведением цитат и примеров, проведённый в данной работе, позволяет сделать следующие выводы по каждой из глав выпускной квалификационной работы.

Так, можно заключить, что микроистория в романе характеризуется, в первую очередь, тем фактом, что для Грэма Свифта исторический план

познания хоть и делится на привычные нам микро- и макроисторические уровни, тем не менее не сохраняет той же строгой разграниченности между ними в отличие от, скажем, традиционной исторической науки. Свифт демонстрирует, что планы истории переплетаются друг с другом и находятся в отношениях взаимозависимости. Он также показывает значимость микроисторического уровня науки для познания истории, в частности, путём демонстрации читателю того, как микроистория позволяет структурировать хронологию событий без потери сколько-нибудь значимых глобальных исторических фактов и с добавлением фактов менее масштабных, но тем не менее значимых, в историческую канву.

Было выявлено, что Свифт также успешно демонстрирует то, каким образом исторический процесс становится из сугубо глобального опыта частным, что крайне свойственно микроисторическим текстам, тем самым включая себя в ряд авторов-микроисториков.

Можно также прийти к выводу, что Свифту удаётся сконструировать образ индивида-носителя исторической памяти и исторического потенциала, концентрируясь на обычном, «малом», человеке как источнике исторической информации.

Помимо всего вышперечисленного, Свифт также использует конструкт «места памяти» для формирования своей собственной разновидности онога, чем только утверждает свою позицию как микроисторика в контексте художественной литературы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И.Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. — 384 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0819-0 (в пер.).
2. Swift, Graham, 1949 – Waterland / Graham Swift. — 1st Vintage international ed. – 557 p. – eISBN: 978-0-307-82980-1
3. Свифт, Г. Земля воды / Грэм Свифт ; [пер. с англ. В. Михайлина]. – Москва : Издательство «Э», 2017. – 512 с.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. – СПб. – 1999. – С. 26.